

ЛИСТКИ ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“.

Историческіе рассказы и анекдоты, записанные со словъ именитыхъ людей
П. Ф. Карабановичъ.

VII*).

Царствованіе Екатерины II.

39.

Когда Екатерина, бывъ избранной невѣстой великому князю Петру Федоровичу, ѣхала въ Россію, для встрѣчи ея отъ двора былъ посланъ въ Ригу генераль-маіоръ Юрій Юрьевичъ фонъ-Броунъ, впоследствии тамъ находившійся генераль-губернаторомъ. Принцесса, по прибытіи въ городъ, отъ усталости скоро прошла въ назначенныя для нея комнаты, не удостоивъ вниманія присланнаго генерала, которому, по возвышеннымъ его чувствамъ, показалось сіе оскорбительнымъ; вскорѣ выслала она пригласить его въ 6 часовъ утра для свиданія. Въ назначенное время Броунъ является къ принцессѣ, которая обласкавъ его, продолжала, что рожденная въ маломъ нѣмецкомъ княжествѣ, судьбою назначена жить и умереть въ великой имперіи; встрѣтись на границѣ съ первымъ россійскимъ чиновникомъ, со всею откровенностью просить (подавая перо и бумагу) безпристрастно описать ей: умъ, характеръ, достоинства, пороки и связи всѣхъ извѣстныхъ особъ, составляющихъ дворъ императрицы Елизаветы, обѣщая хранить въ тайнѣ; что симъ средствомъ можетъ приобрести ея довѣренность и дружбу, а ложнымъ показаніемъ презрѣніе. Сіе предложеніе исполнено въ точности. Принцесса по пріѣздѣ въ Петербургъ, всѣхъ удивила внимательнымъ обхожденіемъ и вскорѣ успѣла привлечь къ себѣ всеобщую любовь. Броунъ дѣйствительно былъ ея другомъ, имѣлъ

*) См. «Русскую Старину» изд. 1871 г., т. IV, стр. 583—587; 685—696.

позволеніе не спрашиваясь пріѣзжать въ Петербургъ и во всякое время ходить къ ней по малой лѣстницѣ; говорилъ правду и наводилъ страхъ на ея фаворитовъ, не исключая самого князя Потемкина.

(Сей анекдотъ переданъ покойнымъ княземъ Михаиломъ Никитичемъ Волконскимъ, московскимъ градоначальникомъ, изустно слышавшимъ отъ помянутаго графа Броуна).

40.

Когда составлялся заговоръ въ пользу Екатерины II, многіе опасались фельдмаршала графа Кирилла Григорьевича Разумовскаго, полагая его съ противной стороны; наконецъ недоумѣніе разрѣшилось слѣдующимъ образомъ: послѣ обѣда, когда графъ по привычкѣ легъ отдохнуть, докладываютъ ему что Григорій Григорьевичъ Орловъ, производитель извѣстнаго заговора, проситъ у него скорой аудіенціи. Графъ, переверотася на другую сторону, отвѣчалъ: „не говорить, а дѣйствовать должно“.

41.

Въ 1762 г. Екатерина, по принятіи присяги, рѣшилась-было съ гвардіею и прочими полками идти противъ Петра III. Всѣ преданные единогласно представили, что жизнь ея подвергнется великой опасности. Тогда призвавъ Михаила Львовича Измайлова (1799 г.), присланнаго съ порученіями, сказала: „Вы видите, что не только войско, но и народъ возсталъ противъ императора; какъ другъ возьмитесь склонить его къ миру“. Измайловъ просилъ, что-бъ утвердили за нимъ село „Дедново“ (знаменитая волость на Окѣ близъ Коломны) ибо-де императоръ обѣщалъ пожаловать при коронаціи. Измайловъ поѣхалъ въ Ораніенбаумъ и кончилъ по желанію Екатерины, которая сверхъ назначеннаго великаго имѣнія, наградила еще орденомъ св. Александра Невскаго (28 іюня 1762 г.); въ послѣдствіи чиномъ генералъ-лейтенанта, но политически отдаляла отъ себя — на вопросъ для чего? сказано: „имѣнія другу, вѣренъ быть не можетъ.... не Минихъ того не купишь!“ ...

(Изустное преданіе).

42.

Въ 1762 года, когда Екатерина на лошади проѣзжала, гвардейскіе полки, для принятія присяги, княгиня Екатерина Романовна Дашкова слѣдовала за нею; въ сіе время привезена была Андреевская лента, которую императрица возлагая на себя, сняла бывшую на ней Екатерининскую и передала сію послѣднюю Дашковой, а потомъ оглянувшись, увидѣла оную на плечѣ княгини и разсмѣявшись сказала:

„Поздравляю“. — И я васъ поздравляю, отвѣтствовано смѣлой женщиной.

(Изустно отъ ея дочери Анастасіи Михайловны Щербининой).

43.

При восшествіи своемъ на престолъ Екатерина II дала подписку въ томъ, что ей царствовать до 20-ти лѣтняго возраста наслѣдника цесаревича, которая вскорѣ потребована обратно чрезъ министра графа Панина. Когда слухъ о семъ разнесся, то нѣкоторые изъ участвовавшихъ въ заговорѣ противъ Петра III, — какъ-то: Ѳедоръ Александровичъ Хитровъ, Николай Ивановичъ Рославлевъ, Михаилъ Ефимовичъ Ласунскій и другіе, — возроптали. Хитровъ, по неосторожности, сказалъ Надеждѣ Андреевнѣ Паниной, женѣ Василя Андреевича, которая по близости съ Орловыми въ мигъ сообщила графу Алексѣю Григорьевичу. Въ слѣдующую ночь Хитрова съ прочими участниками берутъ съ постели къ допросу, и въ скоромъ времени развозятъ подъ присмотръ въ собственныя ихъ деревни. Впослѣдствіи они освобождены, но Хитровъ не воспользовался, будучи уже въ могилѣ. За сей доносъ дочь Паниной взята ко двору и войдя въ совершенныя лѣта, пожалована во фрѣйлины.

44.

Въ скорости по восшествіи Екатерины II на престолъ, въ пирушкѣ за бутылками, графъ Захаръ Григорьевичъ Чернышевъ назвалъ камергера, что послѣ былъ дѣйств. тайн. совѣтникомъ, Петра Ивановича Вырубова — Зарубинымъ. Тотъ обидѣлся, а графъ сказалъ: „Ну, есть-ли о чемъ хлопотать, что Зарубинъ, что Вырубовъ, все изъ одного и того же дерева“.

45.

Въ первую Турецкую войну (1770 г.) отъ графа Румянцева предписано было князю Репнину съ корпусомъ его идти на помощь къ Вейсману, но князь не успѣлъ подкрѣпить сего генерала, который разбитъ Турками и палъ на полѣ сраженія. Фельдмаршалъ въ первомъ жару написалъ Репнину: „Прибавляйте силы вашему ползущему корпусу... еслибы вы это сдѣлали при Минихѣ, васъ повѣсили бы! Не подумайте, что я не могу сдѣлать подобнаго... мое великодушіе васъ прощаетъ“.

46.

Александръ Гавриловичъ Замятнинъ, любимецъ Румянцева, острый и забавный, во время Турецкой войны, за обѣдомъ у фельдмаршала

бился объ закладъ съ товарищами своими, что назоветъ его плутомъ.... Вскорѣ Румянцовъ, посмотря на него, спросилъ: „отчего такая задумчивость?“ — Давно тревожить меня мысль, отвѣчалъ Замятинъ, что въ человѣческомъ родѣ двѣ противоположныя крайности: или дуракъ или плутъ. — „Къ какому жѣ классу людей, мой батюшка, меня причисляешь?“ разсмѣявшись продолжалъ Румянцовъ. — Конечно, не къ первому, отвѣчалъ проказникъ.

47.

Въ 1-ю турецкую войну (1770 г.), во время перемирія графъ Румянцовъ потребовалъ чиновника по дипломатической части. Назначенный къ отправленію, свѣдавъ, что Задунайскій любитъ курить изъ глиняныхъ трубокъ, изъ усердія расположился поднести цѣлый ящикъ, но не позаботился уложить ихъ. — Фельдмаршалъ обрадовался ибо трубокъ оставалось не много и приказалъ раскрыть при себѣ ящикъ; а когда увидѣлъ одни обломки, то разсердился и сказалъ, указывая на свое сердце: „тутъ-то много“, а потомъ на голову: „да здѣсь нѣтъ“.

48.

Въ 1771 г. во время моровой язвы въ Москвѣ и послѣдовавшаго возмущенія, для водворенія спокойствія отправленъ былъ изъ Петербурга императрицынъ приближенный гр. Григорій Орловъ, который презрѣлъ всѣ опасности и водворилъ порядокъ. — Государыня, по его возвращеніи, приказала въ честь ему выбить медаль съ надписью: „таковаго сына Россія имѣетъ“. — Орловъ не принялъ самую императрицею вручаемыя для раздачи медали и стоя на колѣнахъ сказалъ: „я не противлюсь, но прикажи переменить надпись, обидную для другихъ сыновъ отечества“. — Выбитыя медали брошены въ огонь и появились съ поправленною надписью: „таковыхъ сыновъ Россія имѣетъ“.

49.

Князь Николай Сергѣевичъ Волконскій, еще гвардіи офицеромъ, пріѣзжаетъ къ главнокомандующему Москвы къ князю Михаилу Никитичу Волконскому *), сидѣвшему уже за обѣдомъ и не имѣя времени извиниться, слышитъ его голосъ: „знаете ли пословицу: —, мы къ обѣднѣ, — тамъ отпѣли; мы къ обѣду, — тамъ отѣли; мы въ кабакъ, — только таеъ“.

50.

Въ началѣ 1774 г. съ пріобрѣтеніемъ Бѣлоруссіи, предположено было учредить Полоцкую губернію, которая по времени перешла въ

*) Съ 21 ноября 1771 г. по 11 апрѣля 1780 г. Умеръ въ 1788 г.

Псковскую. Императрица опредѣлила въ оную губернаторомъ Михаи-ла Никитича Кречетникова *) и вице-губернаторомъ Федора Леонтьевича Карабанова**). Прежнее ихъ знакомство обратилось въ дружескую связь, которая много послужила къ водворенію порядка въ край вновь прибрѣтенномъ. Къ несчастію послѣдняго, дѣвица Мавра Сергѣевна Давыдова, обимъ повравившаяся, произвела между ними холодность, обратившуюся въ настоящую ссору. Карабановъ, испрося четырехъ-мѣсячный отпускъ, не захотѣлъ служить богѣе, и былъ уволенъ отъ сей должности. Императрица зная причину, воспользовалась ею къ испытанію Кречетникова, находившагося въ Петербургѣ по дѣламъ службы; государыня въ кабинетѣ при графинѣ Брюсовой***), продолжительно разговаривая съ нимъ, слегка коснулась его образа мыслей на счетъ сослуживца и была довольна его умнымъ и справедливымъ отвѣтомъ; оставшись съ Брюсовой сказала: „знаешь ли ихъ ссору?.. Кречетниковъ, говоря правду, увеличиваетъ мою довѣренность“.

(Отъ статсъ-дамы графини Брюсь).

51.

Гвардіи капитанъ Петръ Михайловичъ Лунинъ, на пути изъ Москвы въ Петербургъ въ 1774 г. съѣхался съ княземъ Лобановымъ****), родственникомъ графа Петра Ивановича Панина, посланнымъ отъ него съ извѣстіемъ о взятіи Пугачева*****). На ночлегъ въ Новгородѣ Лобановъ отерлся о семь Лунину, который заплатя большіе прогоны, въ ту же ночь наскоро ускакалъ въ Петербургъ и прямо явился къ князю Потемкину съ увѣдомленіемъ; а онъ побѣжалъ къ императрицѣ (которая была крайне встревожена успѣхами Пугачева). Въ ту же минуту Лунину объявленъ чинъ полковника. Черезъ короткое время приѣзжаетъ Лобановъ съ официальными донесеніями; тогда

*) Род. 172.. † 9 мая 1793 г.

***) Род. 1 февраля 1738 г. ум. бригадиромъ 19 мая 1813 г. Женатъ на Анастаси Григорьевнѣ Кисловской, р. 17 окт. 1781 г. ум. 29 окт. 1791 г. Отецъ собирателя этихъ разсказовъ.

****) Гр. Прасковья Александровна Брюсь, рожд. граф. Румянцева, сестра фельдмаршала, р. 7 октября 1729 г. ум. 22 августа 1786 г.

*****) Кн. Александръ Ивановичъ Лобановъ-Ростовскій род. 1754 ум. 1830 г.

*****) Это донесеніе гр. Панина къ импер. Екатеринѣ, отъ 18 сентября 1774 г., напечатано въ «Сборн. Рус. Истор. Общ.» 1871 г. т. VI, стр. 149. Кн. Лобановъ догналъ Лунина, посланнаго наканунѣ съ донесеніемъ, отъ 17 сентября 1774 г.; смотр. тамъ-же стр. 145 и записки Рунича въ «Русск. Старинѣ» т. II стр. 345—346.

Лунинъ, потребоваанный къ отвѣту, сказалъ, что, услышавъ столь пріятное и къ спокойствію императрицы служащее извѣстіе, не могъ воздержаться, чтобы не сообщить онаго. Государыня узнала и сказала: „что сдѣлано, того не поворотить“.

52.

По изданному въ 1775 г. учрежденію о губерніяхъ, въ 1776 г. опредѣленнымъ былъ генераль-губернаторомъ Яковомъ Ефимовичемъ Сиверсомъ открыта Новгородская губернія. Избранный губернской предводитель дворянства генераль-поручикъ Дмитрій Михайловичъ Будкевичъ съ прочими особами отправлены въ Петербургъ для донесенія императрицѣ. Депутація представлена была 27-го декабря мѣсяца и губернской предводитель затруднился въ продолженіи говоренной имъ рѣчи. Екатерина, желая вывести его изъ смущенія, подала руку, а Будкевичъ отвѣчалъ: „государыня я договорю.“ Генераль-адъютантъ Пассекъ засмѣялся и мгновенно почувствовалъ въ движеніи лица неудовольствіе императрицы, которая пройдя за кавалергардовъ съ гнѣвомъ сказала ему: „никогда не воображала, чтобы вы могли имѣть столь дурное сердце: что подданный предъ государемъ ошибся, это, сударь, достойно слезъ“.

(Отъ оберъ-гофмаршала князя Федора Сергѣевича Барятинскаго).

53.

Въ январѣ мѣсяцѣ 1775 года весь дворъ прибылъ въ Москву, по случаю предполагаемаго мирнаго торжества съ Турками. Въ самое короткое время въ прошедшемъ году выстроено было огромное изъ брусевъ деревянное зданіе, соединяющее домъ князя Голицына (что нынѣ кн. Сергія Михайловича) со многими другими. Кабинетъ императрицы помѣщенъ возлѣ парадныхъ комнатъ на большую улицу и по вышинѣ былъ очень холоденъ. Не смотря на сіе она всегда очень продолжительно занималась дѣлами; однажды замѣтила, что секретари ея Григорій Николаевичъ Тепловъ и Сергѣй Матвѣевичъ Кузьминъ *) очень прозябли, для сего приказала подать имъ кофію, какой всегда сама употребляла. (Екатерина чай употребляла только въ болѣзненномъ состояніи, а кофію ей подавали самый крѣпкій, называемый мокка; его ровно фунтъ варили въ вызолоченномъ кофейникѣ, изъ котораго выливалось только двѣ чашки, чрезмѣрная крѣпость умѣрялась большимъ количествомъ сливокъ). Когда помннутые секретари по чашкѣ онаго выпили, то отъ непри-

*) Тайн. сов. 13 марта 1777 г., кав. св. Александра Невскаго.

вычки почувствовали сильный жаръ, біеніе сердца и дрожаніе въ рукахъ и ногахъ, отчего приведены были въ робость; а императрица раскохотавшись сказала: „теперь знаю средство согрѣвать васъ отъ стужи“.

(Отъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Ив. Ив. Козлова).

54.

Екатерина за большимъ обѣдомъ, разговаривая съ послами, съ горячностью поддерживала мнѣніе несвойственное ея разуму. Въ нѣкоторомъ отдаленіи Григорій Николаевичъ Тепловъ*) сказалъ, что сожалѣть надо о семъ разговорѣ предосудительномъ ея уму и сердцу. Государыня, имѣя тонкій слухъ, поняла разговоръ, и обратясь къ Теплову, спросила о чемъ онъ говоритъ? Тепловъ, къ удивленію всѣхъ, отвѣчалъ ей самую правду. Императрица замолчала, но примѣтны были на лицѣ пятна и въ губахъ движеніе. Послѣ кофію, по обыкновенію подойдя къ дверямъ, откланялась и ушла во внутреннія комнаты. Тепловъ, окруженный толпою царедворцевъ сказалъ, что, зная нравъ государыни долженъ былъ говорить истину, а въ противномъ случаѣ невозвратно бы лишился хорошаго о себѣ мнѣнія. Вскорѣ приходитъ за нимъ камердинеръ Поповъ и всѣ придворные съ нетерпѣніемъ ждутъ развязки. Послѣ продолжительной конференціи Тепловъ возвращается съ богатой табакеркой осыпанной крупными брилліантами; онъ получилъ ее изъ рукъ Екатерины при слѣдующемъ привѣтствіи: „вотъ знакъ признательности за данный урокъ, но прошу быть снисходительнѣе въ большомъ обществѣ; открывайте табакерку мнѣ въ осторожность, когда замѣтите ошибки въ моихъ сужденіяхъ“.

(Отъ князя Барятинскаго).

55.

Въ царствованіе Елизаветы Петровны между придворными служителями былъ обычай, что ежели они въ первый разъ входили къ ней въ комнату, то поставя принесенное, молились Богу, низко кланялись и подходили къ монаршей ручкѣ, а потомъ выполняли свою должность; сей обычай продолжался при Екатеринѣ и уже между новыми служителями непримѣтно измѣнился. Старый и заслуженный мундшенкъ, Осипъ Петровичъ, котораго Екатерина всегда отличала, уволивъ отъ дежурства кромѣ нѣкоторыхъ торжественныхъ дней. Сей мундшенкъ, при фаворитѣ Завадовскомъ**) войдя съ кофіемъ, по

*) Род. 1719 г. ум. 30 марта 1779 г., статсъ-секретарь.

**) Род. 1738 г., ум. 10 января 1812 г. Въ случаѣ съ ноября 1777 г. по 8 іюня 1778 г.

обыкновенію заставилъ императрицу, съ примѣрнымъ терпѣніемъ, смотрѣть на его продолжительныя движенія. Завадовскій удивляется ея снисхожденію, а Екатерина отвѣчаетъ: „безразсудно огорчать тѣхъ, которые вѣрно и усердно служатъ; всякій обычай отъ долговременной привычки становится необходимымъ“.

(Отъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, сенатора, бывшаго генераль-рекетмейстера И. в. И. в. Козлова).

56.

Иванъ Николаевичъ Корсаковъ (1778 г.), войдя въ силу при Екатеринѣ, плѣнилъ ее своимъ пріятнымъ голосомъ. Государыня увидѣла князя Орлова и сказала ему, что не могла довольно наслышаться, а тотъ отвѣчалъ:

„Эти соловьи недолго поють,—только до Петрова дни“.

57.

1779 года, когда императрица подтверждала полезное предпріятіе снабдить Москву водою изъ такъ называемаго „Громоваго источника“ при селѣ „Большихъ Мытищахъ“ по Троицкой дорогѣ—устройство и главное смотрѣніе за работами водопровода препоручила генераль-инженеру Федору Вильямовичу Бауру, человѣку честному и искусному по сей части и дозволила ему свободный доступъ для личнаго объясненія.

58.

Главнокомандующій въ Москвѣ, князь Василій Михайловичъ Долгоруковъ-Крымскій *) получа именной указъ о доставленіи князю Кантемиру**) 20 т. суммы, приказываетъ исполненіе магистратскому судѣ, статскому совѣтнику Терентію Ивановичу Черкасову, который возвратясь доложилъ, что свѣтлѣйшій наградилъ его сотнею рублей. Долгоруковъ съ видомъ презрѣнія сказалъ ему: „Терентій обирай денежки“, и обратясь къ правителю канцеляріи довершилъ: „Поповъ не зови его ко мнѣ обѣдать“.

(Василій Степановичъ Поповъ, умершій дѣйств. тайн. совѣтн.).

59.

Екатерина въ 1780 году путешествуя чрезъ Бѣлоруссію для свиданія съ римскимъ императоромъ Іосифомъ II, извѣстилась, что онъ уже въ Могилевѣ и ожидаетъ ея прибытія. Первое свиданіе двухъ

*) Съ 11-го апрѣля 1780 г. по свою кончину 30 января 1782 г.

**) Кн. Дмитрій Констант. Кантемиръ р. 1749 г., ум. 1820 г., внукъ молдавскаго господара прибывшаго при Петрѣ Великомъ въ Россію.

столь славныхъ монарховъ было весьма любопытное. Въ продолженіе вечера знатнѣйшіе вельможи, свиту императрицы составлявшіе, подъ предлогомъ усталости, разошлись по своимъ комнатамъ. Когда доложили о вечернемъ столѣ, Екатерина сказала, что не ужинаетъ; — „такъ позвольте мнѣ остаться съ вашимъ величествомъ“, отвѣчалъ Іосифъ. На вопросъ: кто всѣхъ старѣе за ужиномъ?—докладываютъ о Васильѣ Ивановичѣ Левашевѣ и князѣ Николаѣ Сергѣевичѣ Волконскомъ; приказано сказать имъ, чтобъ не спѣшили. Тутъ-то великая Екатерина умомъ своимъ обворожила Іосифа, который безпрекословно принялъ всѣ ея политическія предложенія. По сигналу встать изъ за ужина; государыня, по обыкновенію привѣтствуя каждаго разговоромъ, подошла къ Левашову съ Волконскимъ и вполголоса по французски сказала: „Онъ въ моемъ рукавѣ“ (по русски—карманѣ).

(Изустно отъ князя Волконскаго).

60.

Когда германскій императоръ Іосифъ II пріѣхалъ въ Петербургъ, императрица Екатерина II, представляя ему вельможъ, составлявшихъ ея общество, о графѣ Александрѣ Сергѣевичѣ Строгановѣ сказала: „Онъ такъ богатъ, что не можетъ придумать средства промотаться“.

61.

Генераль-маіорша Марья Дмитріевна Кожина, рожденная Философова, по жительству въ Псковской губерніи имѣла короткое знакомство съ недостаточнымъ домомъ Ланскихъ. Обстоятельства перемѣняются: сынъ*) попалъ въ случай при дворѣ, а три дочери пожалованы во фрейлины. Кожина, бывъ въ Петербургѣ обласкана послѣдними, часто у нихъ бывала во дворцѣ. Ланскія сказали ей, что братъ ихъ заказалъ прекрасную дорожную карету сдѣлать, а Кожина по нескромности открылась въ городской молвѣ, что Петръ Яковлевичъ Мордвиновъ**) попадетъ при дворѣ въ силу. Гвардіи Преображенскаго полка маіоръ Ѳедоръ Матвѣевичъ Толстой (любимой чтецъ Екатерины во время ея отдыха, и котораго жена***) получила въ подарокъ богатныя брилліантовыя серги)

*) Александръ Дмитріевичъ род. 1758 г., ум. 25 іюня 1784 г., былъ въ силѣ съ 1780 г. по кончину.

**) Служилъ въ конной гвардіи, 29 іюня 1778 г. изъ вахм. произведенъ въ корнеты; 1787—въ ротмистры; 7-го января 1794 г. переведенъ въ армію полковникомъ.

***) Наталья Ѳедоровна рожд. Лопухина.

изъ зависти къ князю Потемкину рекомендовавшему Ланскаго, заплатившаго ему неблагодарностью, дѣйствительно искалъ, съ помощію другихъ, выдвинуть Мордвинова. Ланскіе передаютъ брату, а тотъ императрицѣ. Научаютъ гвардіи офицеровъ Александра Александровича Арсеньева *) и Александра Петровича Ермолова **) жаловаться на Толстаго въ дурномъ его поведеніи; хотя Екатерина сіе знала, но къ нему всегда благоволила, а тутъ изъ расположенія къ Ланскому переимѣнилась. Толстой впадаетъ въ немилость. Мордвиновъ изъ гвардіи увольняется ***) , а Кожина подвергается гнѣву. Екатерина приказываетъ начальнику тайной канцеляріи Шишковскому за неводержимость наказать Кожину, примолвля: „она всякое воскресенье бываетъ въ публичномъ маскарадѣ, поѣзжайте сами, взявъ ее оттуда въ тайную экспедицію, слегка тѣлесно накажите и обратно туда же доставьте со всею благопристойностію“ ****).

62.

Къ московскому главнокомандующему, князю Долгорукову-Крымскому († 1782 г.) въ вѣкторіальный день на обѣдъ приглашенъ былъ только-что пріѣхавшій, служащій генераль-поручикъ, Каульбарсъ*****) и опоздалъ. За столомъ началось движеніе стульевъ, чтобъ помѣстить его, а князь съ неудовольствіемъ громко сказалъ: „не безпокойтесь! развѣ неизвѣстна русская пословица, что нѣмецъ (вездѣ) мѣсто сыщеть“.

63.

Въ 1782 г. Екатерина въ эрмитажѣ за игрою на биллиардѣ à la guette, получила извѣстіе о смерти московскаго главнокомандующаго князя Долгорукаго-Крымскаго; въ слезахъ отдавая мазъ свой князю Барятинскому, сказала: „Потеря не возвратимая!... Кто

*) Род. 1756 г. ум. ноября 1784 г., впоследствии сенаторъ.

***) Род. 1754 г. ум. 1836 г. былъ въ силѣ при дворѣ послѣ Ланскаго съ 1785 г. по июнь 1786 г.

****) Невѣрно: оставался въ конной гвардіи до 1-го января 1794 г.

*****) Шишковскій, Степанъ Ивановичъ, род. 21 декабря 1719 г. ум. 12 мая 1794 г., Жена Алена Петровна N. N., ум. 7 авг. 1805 г. Единственная дочь Шишковскаго, Марія Степановна была за тайн. сов. сенаторомъ Петромъ Митусовымъ, отцемъ сенатора же дѣйств. тайн. сов. Григорія Петровича Митусова, умерш. въ июнѣ 1871 г., 84-хъ лѣтъ отъ роду;—оставилъ наслѣдство, состоящее въ 300,000 руб. капиталу, трехъ домахъ въ Спб. и загородной дачи, все это наслѣдовалъ онъ исключительно отъ матери своей;—имѣніе его перешло къ дѣтямъ роднаго его брата. О Шишковскомъ см. въ «Русск. Старинѣ» 1870 г., т. II, замѣтку П. А. Ефремова, стр. 637—639.

*****) Карлъ Ивановичъ Каульбарсъ пожалованъ въ генераль-поручики только 22 сентября 1786 г.

будеть объявлять сыну?... Поберегите его". Распечатавъ пакетъ, удалась и въ тотъ вечеръ не выходила.

(Отъ кн. Федора Сергѣевича Барятинскаго).

64.

1783 г. когда Екатерина получила отъ графа Орлова-Чесменскаго уведомленіе о смерти его брата князя Орлова, собственноручно написала ему слѣдующее: „я имѣла въ немъ друга; вмѣстѣ съ вами оплакиваю его; чувствую въ полной мѣрѣ цѣну потери и никогда не позабуду его благодарній“.

(Отъ князя Федора Сергѣевича Барятинскаго).

65.

Игуменя весьма малаго Крестовоздвиженскаго Нижегородскаго монастыря, по случаю храмоваго праздника просить преосвященнаго Дамаскина *), только что прибывшаго въ епархію, служить обѣдню. Грубый архіерей отвѣчалъ: „Что ты затѣяла... Какъ мнѣ служить? — весь твой монастырь — (съ лукопико)!“

66.

Императрица въ 1785 году предпринявъ путешествіе въ окрестность Вышняго Волочка, для обозрѣнія водяной коммуникаціи, проѣзжая Чудово, вспомнила, что день воскресный и вздумала идти къ обѣднѣ приходской деревянной церкви; престарѣлый священникъ встрѣтилъ ее со крестомъ, но церковниковъ нигдѣ отыскать не могли и на клиросѣ поставленъ былъ школьникъ недоросль, который отъ страха чуть шевелилъ губами. Левъ Александровичъ Нарышкинъ **) на клиросѣ началъ подпѣвать и проказничать; императрица подозревавъ исправника Рыкачева, приказала напомнить ему, что здѣсь не мѣсто; но когда единственный пѣвецъ ушелъ ударять къ „достоиню“ и пѣніе остановилось, то сама государыня, всегда смѣшливая, очень расхохоталась. По окончаніи обѣдни сказала исправнику: „сообщить начальству, что такіе беспорядки въ церкви Божій не должны быть терпимы“.

(Отъ исправника Рыкачева).

67.

Императрица въ 1785 года, въ маѣ мѣсяцѣ изъ Вышняго Волочка вздумала внезапно посѣтить древнюю столицу. За обѣденнымъ сто-

*) Дамаскинъ (Дмитрій Семеновичъ Рудневъ) одинъ изъ ученѣйшихъ нашихъ іерарховъ, р. 1737 г. ум. въ декабрѣ 1795 г. Архіепископомъ Нижегородскимъ былъ съ 1784 г. по 1794 г.

**) Оберъ-штальмейстеромъ съ 21 апр. 1773 г.; род. 26 февр. 1733 г., ум. 10 дек. 1799 г.

ломъ въ селѣ „Городнѣ“ спросила у губернскаго предводителя Ѳедора Леонтьевича Карабанова о разстояніи до вновь сотвореннаго ею, изъ казенной волости, города „Корчевы“ и пожелала узнать подробности; на отвѣтъ, что положеніе города выгодное и полезное для торговли, но что по новости не можетъ еще придти въ цвѣтущее состояніе, Екатерина сказала: „припомните, и Москва была деревня“.

(Домашнее свѣдѣніе).

68.

1785 г. когда Екатерина II обозрѣвая водяную коммуникацію, вдругъ рѣшилась изъ Вышняго Волочка ѣхать въ Москву, директоръ капеллы Марко Ѳедоровичъ Полторацкій, изъ малороссійскихъ пѣвчихъ взысканный императрицею Елизаветою, обще съ женою Агафоклеей Александровной просилъ монархиню осчастливить присутствіемъ извѣстное ихъ село „Грузины“, близъ Торжеа находящееся, нѣкогда удостоенное посѣщеніемъ Елизаветы. На вопросъ о разстояніи, было упомянуто о ближней дорогѣ, которая была неисправна, а повезли по дальней. Императрица, замѣти сіе, была уже въ скучномъ расположеніи; войдя въ домъ любопытствовала узнать объ одномъ селеніи и тотчасъ припомнила о поданной отъ крестьянъ жалобѣ по спорному о землѣ дѣлу; къ тому же забыли приготовить свѣжаго молока, которое она лѣтомъ въ жажду употребляла, и котораго не дождавшись, скоро уѣхала. Въ шестимѣстной каретѣ сидѣла съ государыней Тверской генераль-губернаторъ Архаровъ; не любя Полторацкихъ, и желая развеселить монархиню, началъ шутить на ихъ счетъ; когда она сказала, что услуга не соотвѣтствуетъ прочему, Архаровъ подхватилъ, что помѣщица, по склонности къ малороссійскимъ воламъ, находитъ выгоднѣе при винокуренномъ заводѣ содержать ихъ, нежели коровъ; но и ихъ немного и всѣ стѣльны. Государыня развеселилась и во всю дорогу не могла воздержаться отъ смѣха, а войдя въ подъѣздный дворецъ въ Торжкѣ, спросила: „Николай Петровичъ! есть-ли у твоихъ коровъ молоко?“ На другой день, чрезъ камеръ-фрейлину Протасову *) объявлено Полторацкимъ пріѣхавшимъ благодарить, что государыня, по причинѣ усталости, принять ихъ не можетъ.

(Отъ князя Барятинскаго, сидѣвшаго съ государыней; еще тутъ были камеръ-фрейлина Протасова, Ермоловъ и Л. А. Нарышкинъ).

69.

Екатерина въ продолженіи достославнаго своего царствованія много занималась строеніемъ, но не обладала знаніемъ и вкусомъ, по-

*) Анна Степановна Протасова род. 1745 г. ум. 12 апрѣля 1786 г.

правками много портила.—Славный Баженовъ приводилъ къ окончанію отличный готическій дворецъ въ селѣ „Царицынѣ“, когда императрица въ 1785 г. внезапно посѣтила древнюю столицу. Назначенъ день для обзрѣнія зданія и съ отличнымъ благоволеніемъ приказано Баженову представить тамъ жену и дѣтей. Дворецъ не понравился; государыня, въ гнѣвѣ возвращаясь къ экипажамъ, приказываетъ начальнику Кремлевской экспедиціи, Михаилу Михайловичу Измайлову, сломать оный до основанія. Баженовъ останавливаетъ ее: „Государыня! Я достоинъ вашего гнѣва, не имѣлъ счастья угодить вамъ, но жена моя ничего не строила“. Императрица, оборотась, допустила все семейство къ рукѣ и не сказавъ ни слова, уѣхала. Въ своемъ родѣ рѣдкое зданіе вскорѣ сломано *).

(Изустное преданіе сенатора Ивана Ивановича Козлова при семъ бывшаго).

70.

Въ исходѣ 1786 г. Екатерина, готовясь въ зимнему путешествію, чрезъ Бѣлоруссію въ Тавриду, для дорожной шубы приказала принести предъ себя множество дорогихъ собольихъ мѣховъ съ образцами богатыхъ парчей и выбрала самую блестящую съ битью. Марья Савишна Перекусихина **) сказала:

— Матушка государыня! вѣдь вы ручки исцарапаете.

— „Чтоже дѣлать голубушка, возразила Екатерина, я должна быть одѣта такъ, чтобы съ перваго взгляда всякой могъ узнать, что я императрица“.

*) Василій Ивановичъ Баженовъ род. 1 марта 1737 г., ум. въ С.-Петербургѣ 2-го августа 1799 г. Сперва адъюнктъ Академіи Художествъ, потомъ въ 1765 г. академикъ, а за нѣсколько мѣсяцевъ до кончины, указомъ отъ 26 февраля 1799 г., первый вице-президентъ академіи. По порученію императрицы Екатерины II, въ селѣ Царицынѣ, начата постройка готическаго дворца, но оставлена въ 1787 году, такъ какъ сооруженіе найдено государынею «слишкомъ мрачнымъ». Баженовъ былъ однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ масонскаго общества, въ которое, какъ увѣряютъ, привлечъ и великаго князя Павла Петровича. По порученію великаго князя, который послѣ немилости Баженова при высочайшемъ дворѣ, принялъ его подъ свое покровительство, Баженовъ воздвигнулъ множество построекъ въ Гатчинѣ, въ Павловскѣ, въ Кронштадтѣ и въ Петербургѣ. По восшествіи на престолъ императоръ Павелъ пожаловалъ его изъ коллежскихъ совѣтниковъ прямо въ дѣйствительные статскіе совѣтники 8 ноября 1796 г. и подарилъ ему 1,000 душъ; потомъ — 26 февраля 1799 г.—назначилъ его первымъ вице-президентомъ академіи.

**) Род. 174. г., ум. апрѣля 1826 г.

71.

Присланный отъ прусскаго двора, съ увѣдомленіемъ о кончинѣ Фридриха II, баронъ Келлеръ, 4 октября 1786 г., представленъ былъ камергеромъ княземъ Кольцовымъ-Масальскимъ*). Екатерина приняла Келлера въ Тронной у окна. Масальскій по отданіи трехъ поклоновъ подвелъ его къ императрицѣ, а самъ отошелъ; по окончаніи аудіенціи, посланникъ выведенъ былъ тѣмъ же порядкомъ и камергеръ остановился у дверей ожидать отпуска. Екатерина, подзываетъ его сказала: „знаете ли что покойный Фридрихъ не послалъ бы его ко мнѣ, а поставилъ бы въ первую шеренгу“.

(Отъ князя Кольцова-Масальскаго).

72.

Въ 1787 г. на одномъ ночлегѣ, во время путешествія въ Тавриду, Марью Савишну Перекусихину помѣстили въ комнату, наполненную чемоданами и дорожными припасами. Государыня, войдя къ ней, съ сожалѣніемъ сказала: „Неужели ты позабыта!“ — Сколько та ни старалась ее успокоить, но Екатерина, потребовавъ князя Потемкина, сдѣлала ему выговоръ: „заботясь обо мнѣ, не забывайте моихъ ближнихъ, особливо Марью Савишну; она мой другъ; чтобъ ей также было покойно, какъ и мнѣ“. Потемкинъ крайне былъ встревоженъ сею оплошностью.

(Отъ князя Николая Сергѣевича Волконскаго, находившагося въ свитѣ).

73.

Въ 1788 г. Екатерина, не подозрѣвая короля шведскаго въ намѣреніи объявить войну Россіи, располагалась большую часть флота отправить въ Средиземное море противу турокъ; сколько ни убѣждали ее остановиться исполненіемъ, но она оказывалась непреклонной. Наконецъ упростили ее, чтобъ дозволила во дворцѣ составить совѣтъ, на которомъ она не присутствовала. Всѣ единогласно сказали, что послѣдствія могутъ быть пагубны для Петербурга, но никто не хотѣлъ идти къ ней съ докладомъ. — Графъ Валентинъ Платоновичъ Мусинъ-Пушкинъ**), извѣстный твердостью духа, вызвался на это.

При входѣ его государыня спросила: „Что скажете, батюшка?“

— Совѣтъ поручилъ донести вашему величеству, что онъ находитъ исполненіе воли вашей не токмо неудобнымъ, но и опаснымъ, а потому и невозможнымъ по многимъ обстоятельствамъ.

*) Кн. Николай-Андрей Александровичъ Кольцовъ-Масальскій, впоследствии оберъ-гофмейстеръ род. 4 декабря 1758 г., ум. 16 апрѣля 1843 г.

**) Впоследствии, при императорѣ Павлѣ, фельдмаршалъ, род. 6 декабря 1735 г., ум. 8 июля 1804 г.

Екатерина въ гнѣвъ, по обыкновенію засучивая рукава платья своего, сказала: „Кто далъ право совѣту такъ дерзко противиться предпріятію мною обдуманному?“

— Осмѣливаюсь вѣщать истину вашему императорскому величеству, продолжалъ Пушкинъ.

— Вы забываетесь, съ сердцемъ сказала она...

— Любовь къ славѣ вашей и пользамъ отечества тому виною, со слезами повторилъ Пушкинъ.

— Оставьте меня!

Отворотясь, чрезъ краткое время Екатерина одумалась и отмѣнила повелѣніе готовить флотъ къ отпуску. Открылось злобное намѣреніе короля шведскаго и война объявлена. Пушкинъ, надъ не многочисленной и наскоро собранной арміей, назначенъ главнокомандующимъ; доведя оную до шведской границы остановился. Государыня многократно чрезъ эстафетовъ понуждала его идти далѣе, но онъ не повиновался, доколѣ не получилъ достаточнаго подкрѣпленія.

(Отъ графа Алексѣя Ивановича Мусина-Пушкина).

74.

Въ 1788 г., когда уже начинали угадывать намѣреніе короля шведскаго объявить войну Россіи, командующій лейбъ-гвардіи коннымъ полкомъ, любимецъ императрицы Петръ Ивановичъ Боборыкинъ*) имѣлъ неосторожность выводить полкъ для ученія въ ту заставу, въ которую долженствовало выступить назначаемое въ походъ войско. Въ одно утро оберъ-полицеймейстеръ, такой же ея любимецъ, Николай Ивановичъ Рыдѣевъ, по обыкновенію доводя до свѣдѣнія государыни всякаго рода происшествія, не сообразясь доложилъ ей: „репортуу вашему императорскому величеству, что конная гвардія въ походъ выступила“.

— Что ты сказываешь! въ сильномъ волненіи сказала Екатерина.

*) Боборыкинъ—2-го іюня 1788 г. изъ премьеръ-маіоровъ лейбъ-гвардіи семеновскаго полка назначенъ командиромъ лейбъ-гвардіи коннаго полка. 17-го мая 1789 г., по волѣ императрицы, сдалъ полкъ секундъ-маіору Александру Римскому-Корсакову, а когда сей послѣдній отправился въ финляндскую армію, то снова вступилъ—18 іюня 1789 г.—въ командованіе конной гвардіею, каковую должность исправлялъ по 5-е марта 1792 г. При Паллѣ—7-го января 1797 г.—по словесному приказу—исключенъ изъ списковъ конно-гвардейскаго полка. Его сестра, Анна Ивановна, была матерью графа Мамонова, бывшаго при дворѣ въ случаѣ. Любопытную характеристику Боборыкина дѣлаетъ Добрынинъ въ своихъ запискахъ, подъ 1800-мъ годомъ. См. «Русскую Старину», 1871 г., т. IV, стр. 334—338.

— Чернь во множествѣ проводила полкъ черезъ Калининъ мостъ за заставу, и всѣ о томъ толкуютъ, продолжалъ Рыльевъ.

— Какой вздоръ! повторила императрица, и сейчасъ приказала послать за Боборыкинымъ.

При входѣ его съ досадою сказала: — „Бойтесь ли Бога?.. въ такое критическое время, какая неосторожность! Вы, сударь, дали поводъ къ народному волненію, чего отъ васъ не ожидала...“ И прихвѣтно уменьшила благоволеніе, что и продолжалось до полкового праздника; а въ сей день императрица послѣ обѣдни во дворцѣ, указывая на поставленную водку и завтракъ, сказала: „Помиримтесь, Петръ Ивановичъ! Кто старое вспомнить, тому глазъ вонъ!“ (древняя поговорка).

(Отъ Николая Петровича Архарова).

75.

Въ 1788 г., въ послѣднюю турецкую войну при Екатеринѣ, — контръ-адмиралъ Войновичъ, родомъ изъ Черногоріи, — за отличіе представленъ былъ къ награжденію — орденомъ св. Георгія 3-го класса.

Безбородко — 22 октября 1788 г. — поднося императрицѣ грамоту для подписанія, не замѣтилъ, что въ попыткахъ по ошибкѣ Войновичъ въ ней названъ графомъ.

Сей случай открылъ Войновичу возможность просить государыню объ утвержденіи въ семь достоинствъ.

Безбородко, находя себя виновнымъ, сталъ на колѣни, а Екатерина сказала: „Мы оба не правы, гдѣ рука тутъ и голова — должны согласиться“. Марко Войновичъ вступилъ въ службу въ 1770 году, а впоследствии былъ адмираломъ, директоромъ Черноморскихъ училищъ; св. Анны, св. Георгія 3-го класса и св. Владиміра 4-й степени кавалеромъ.

Умеръ Войновичъ въ 1808 году.

76.

Въ исходѣ 1789 г., князь Потемкинъ расхваливалъ государынѣ адъютанта своего князя Алексѣя Ивановича Горчакова *), съ намѣреніемъ удалить отъ двора Зубова, возведеннаго графомъ Николаемъ Ивановичемъ Салтыковымъ, и котораго Тавричскій не любилъ. Она не знала Горчакова и захотѣла увидѣть. Потемкинъ прислалъ его во дворецъ съ картиной. Екатерина разсмотрѣвши со вниманіемъ, сказала: „Картина не дурна, но не имѣетъ экспрессіи“.

(Отъ Николая Петровича Архарова).

*) Род. 20 мая 1769 г. впоследствии военный министръ съ декабря 1815 г. по ноябрь 1819 г.

73.

Екатерина послѣ обѣденнаго стола тотчасъ уходила для отдохновенія на короткое время; случилось, что всѣ служащіе при ней удалились къ Марьѣ Савишнѣ Перекусихиной и занялись игрой въ ла-мушъ. Государыня, не могши заснуть, позвонила въ колокольчикъ, потомъ подошла къ сонетѣ— все нѣтъ никого; наконецъ отворяетъ дверь къ Перекусихиной и говоритъ: „Не безпокойтесь!... Захаръ Константиновичъ! сходи съ запиской къ графу (Зубову *), я приму твои карты“. Послѣ нѣсколькихъ вздачъ сказала: „довольна, что вспомнила игру, въ которую давно не играла“.

(Отъ Перекусихиной).

79.

Въ 1790 г., по отраженіи шведовъ адмираломъ Крузомъ, Екатерина водой отправилась осматривать укрѣпленія у Красной-горки и шла пѣшкомъ по значительному разстоянію, до дома приготовленнаго для обѣда и отдыха; разговаривая съ адмираломъ (Федоромъ) Петромъ Ивановичемъ Пущинымъ, спросила, кто могъ бы удовлетворить свѣдѣніями о шведскомъ флотѣ, изъ подначальствующихъ при адмиралѣ Грейгѣ. Тутъ же представленъ былъ контръ-адмиралъ Евстафій Степановичъ Одинцовъ, находившійся у него въ довѣренности. Екатерина, занявшись разговоромъ, подошла къ дому и при входѣ на лѣстницу подала ему руку, а за столомъ посадила его такъ, чтобъ можно было продолжать разсужденіе. Одинцовъ, сообщая императрицѣ подробности непріятельскаго морского вооруженія, довершилъ, что шведскій флотъ гроша не стоитъ. Въ чертахъ государыни замѣчено было удовольствіе, сими словами произведенное. На другой день онъ получилъ золотую табакерку, наполненную червонцами, съ собственноручной запиской: „гроши контръ-адмиралу Одинцову“.

80.

Честному и справедливому московскому главнокомандующему князю Прозоровскому, по подозрѣнію, не нравился вице-губернаторъ Небольсинъ. На званомъ пиру у послѣдняго, когда хозяинъ пригласилъ къ поставленной водкѣ, Прозоровскій сказалъ: „Изволишь видѣть, Василій Александровичъ: за хлѣбомъ да за солью лучше говорить правду; по резону потому намъ не ужиться, сирѣчь я съ тобою розно думаю“. На другой день Небольсинъ подаль бумагу объ отставкѣ.

*) Въ случаѣ при дворѣ съ 1789 по 1796 г.

„РУССКАЯ СТАРИНА“, т. V. 1872 г. ЯНВАРЬ.

81.

Въ 1792 г. въ Москвѣ составилось общество изъ большого числа извѣстныхъ особъ и имѣло собственный домъ, гдѣ нынѣ Спасскія казармы; предсѣдательствовалъ въ ономъ человекъ обширнаго ума, отставной армейскій поручикъ Николай Ивановичъ Новиковъ. (Сіе общество въ публикѣ именовано было: мартинистами). Екатерина съ негодованіемъ смотрѣла на сія совѣщанія и въ посмѣяніе писала комедіи и проверки, какъ-то: „Обманщикъ“, „Оболенный“, „Сибирскій Шаманъ“, „Разстроенная семья“ и проч. Наконецъ поручила главнокомандующему Москвы, князю Прозоровскому*) произвестъ слѣдствіе и разрушить оное. Новиковъ сперва высланъ изъ Москвы, а потомъ посаженъ въ шлиссельбургскую крѣпость. Въ продолженіе помянутаго слѣдствія, государыня въ Петербургѣ Николаю Петровичу Архарову сказала: „что всегда успѣвала управляться съ турками, шведами и поляками, но, къ удивленію, не можетъ сладить съ армейскимъ поручикомъ!

(Отъ Архарова),

82.

Генераль-прокуроръ князь Вяземскій, по случаю паралича, отпущень былъ къ водамъ, и надѣялся по возвращеніи опять вступить въ должность**), но узнавши, что назначенъ ему преемникомъ графъ Самойловъ, сказалъ своему подчиненному Борзову: „Обуль насъ Иванъ Карповичъ! обуль изъ сапогъ въ лапти.“

83.

Въ 1793 г. Екатерина, отправляя кн. Николая Сергѣевича Волконскаго къ прусскому двору съ препорученіями, много разговаривала съ нимъ о постороннихъ предметахъ и коснулась графа Александра Романовича Воронцова***). „Онъ не имѣетъ настоящаго ума государственнаго“, сказалъ Волконскій.

— „Почему вы такъ заключаете?“ возразила императрица.

— „При отличномъ воспитаніи, обширныхъ свѣдѣніяхъ, онъ много читалъ, слышалъ и видѣлъ, но для русскаго этого недостаточно; потому что онъ не знаетъ ни отечества, ни свойствъ своихъ подчиненныхъ, съ

*) Князь Александръ Александровичъ Прозоровскій, главнокомандующій Москвой съ 19 февраля 1790 по 21 марта 1795 г., впоследствии фельдмаршалъ, ум. 1809 года.

**) 17 сент. 1792 г., ум. 8 янв. 1793 г.

***) Впоследствии государственный канцлеръ (8 сент. 1802 г.); род. 4 сент. 1741 г., ум. 2 дек. 1806 г.

которыми имѣть частыя сношенія, то долженъ ошибаться“, отвѣчалъ князь.

— Очень справедливо, довершила императрица.

(Отъ помянутаго кн. Волконскаго, бывшаго въ числѣ избранныхъ въ обществѣ императрицы).

84.

Въ 1793 г. Яковъ Борисовичъ Княжнинъ за трагедію „Вадимъ Новгородскій“ высланъ былъ изъ Петербурга. Черезъ краткое время оберъ-полицеймейстеръ Рылѣевъ, докладывая императрицѣ о прибывшихъ въ столицу, наименовалъ Княжнина. „Вотъ какъ исполняются мои повелѣнія“, съ сердцемъ сказала она, „поди и узнай вѣрно— я поступлю съ нимъ, какъ императрица Анна“. Окружающіе докладываютъ, что вмѣсто Княжнина приѣхалъ бригадиръ Князевъ, а между тѣмъ и Рылѣевъ возвращается. Екатерина съ веселымъ видомъ встрѣчая его, нѣсколько разъ повторила:

— „Николай Ивановичъ!... ты не могъ различить князя съ княжкою“ *).

(Изустное преданіе Николая Петровича Архарова).

(Продолженіе слѣдуетъ).

Замѣтка объ отношеніяхъ Н. М. Карамзина къ А. О. Воейкову.

Въ октябрьской книгѣ Русскаго Вѣстника (стр. 613—615), въ статьѣ подъ заглавіемъ „Мое знакомство съ Воейковымъ въ 1830 году“, помѣщенъ рассказъ, какъ въ одинъ изъ литературныхъ у него вечеровъ приѣхалъ къ нему г. Телешевъ, котораго онъ передъ всѣми назвалъ бывшимъ секретаремъ и ближайшимъ человѣкомъ Н. М. Карамзина, а Телешевъ объяснилъ, что покойный его благодѣтель и начальникъ Николай Михайловичъ, умирая въ 1827 (должно бы сказать: въ 1826) году, оставилъ ему нѣсколько пакетовъ для передачи нѣкоторымъ лицамъ, въ томъ числѣ одинъ на имя его (Воейкова), заключавшій въ себѣ два собственноручно Карамзинимъ порученныя стихотворенія. Телешевъ извинялся, что передаетъ пакеты такъ поздно (спустя три года), объяснялъ тому причины; Воейковъ же цѣловалъ и его и привезенный пакетъ.

„Такъ-то“—продолжаетъ сочинитель статьи— „Воейковъ, казалось,

*) О степени достовѣрности этого разсказа можно узнать изъ статьи П. А. Ефремова въ «Русской Старинѣ» 1871 г., т. III, стр. 726—732. Въ «Русской Старинѣ» 1871 г. т. III, стр. 733—781 напечатана упоминаемая Карамзинимъ трагедія Княжнина: «Вадимъ Новгородскій».

обожалъ Карамзина, а совсѣмъ тѣмъ онъ, въ 1824 году, почему-то разсердясь на нашего знаменитаго историографа, благодѣтельствовавшего ему, имѣлъ нахальство написать на Н. М. Карамзина, на этого прототипа честности и благородства, слѣдующіе ругательные стихи:

Вотъ въ передней рабъ-писатель,
Карамзинъ-хамелеонъ,
Земледѣль, законодатель, и проч.

„Стихи эти“ — сказано внизу въ примѣчаніи (стр. 615) — „находятся въ полномъ Домѣ сумашедшихъ, напечатанномъ въ Берлинѣ, и экземпляръ ихъ имѣется въ Публичной библиотекѣ. Но совсѣмъ тѣмъ извѣстный старинный нашъ писатель Борисъ Михайловичъ Федоровъ, и нынѣ здравствующій, упорно увѣрялъ меня, что тутъ ошибка въ имени и что стихи эти не на Карамзина, а на Каразина будто бы написаны“

Сочинитель статьи, какъ видимъ, глубоко уважаетъ память историографа; но когда въ его статью вѣрвались нѣкоторыя, касающіяся Карамзина, невѣрности, то нельзя умолчать объ нихъ.

Имѣвъ счастье лично и постоянно пользоваться благодѣтельнымъ расположеніемъ незабвеннаго Николая Михайловича, особенно же въ послѣдніе шесть лѣтъ его жизни, и бывши также знакомъ съ Иваномъ Яковлевичемъ Телешевымъ, обязанностію считаю заявить, что Николай Михайловичъ никогда не имѣлъ при себѣ секретаря, а Телешевъ бывалъ у него въ качествѣ учителя дѣтей его, какъ и самъ онъ изъяснилъ въ свѣдѣніи, которое доставилъ М. П. Погодину для біографіи историографа. (Н. М. Карамзинъ, М. 1866. томъ II, 430). Поэтому онъ и не могъ называть Карамзина начальникомъ, а только благодѣтелемъ, къ которому и во всю жизнь свою питалъ чувство глубочайшей благодарности.

Относительно разсказа о пакетахъ тутъ должно быть какое-нибудь недоразумѣніе, тѣмъ болѣе что Карамзинъ никогда не былъ въ литературныхъ и близкихъ сношеніяхъ съ Воейковымъ, и ежели ему оказывалъ иногда благосклонное вниманіе, то единственно изъ того, что Воейковъ былъ женатъ на его (по первой женѣ) племянницѣ, вполне достойной добраго участія и сочувствія. Нельзя также не замѣтить, что Николаю Михайловичу вовсе некогда было переписывать чужіе стихи, когда и собственный свой трудъ отдавалъ переписывать супругѣ и дочерямъ своимъ, а въ годъ своей кончины онъ даже съ трудомъ брался за перо, и то лишь по необходимости.

Что касается отрывка изъ стихотворенія Воейкова Домъ сумашедшихъ, мы всѣ, за 50 лѣтъ предъ симъ читавшіе это произведеніе,

твердо знаемъ, что въ немъ одинъ только разъ и то съ особеннымъ уваженіемъ, упомянуто имя Карамзина, въ томъ мѣстѣ, гдѣ авторъ видитъ въ этомъ домѣ зюла его — Кутузова, грызущаго бюстъ Карамзина, и заключаетъ свое видѣніе словами:

Онъ вредить ему не можетъ.
Ни зубами, ни перомъ.

А тотъ отрывокъ, который приведенъ сочинителемъ статьи, прибавленъ былъ уже послѣ (какъ и другія мѣста о разныхъ лицахъ) и направленъ былъ, какъ справедливо замѣтилъ и Б. М. Федоровъ, не на Карамзина, что очевидно и изъ самыхъ словъ отрывка, къ нему непримѣнимыхъ; берлинское же изданіе 1858 года намъ не авторитетъ и не можетъ похвалиться исправностію, когда и въ примѣчаніяхъ къ нему Магницкій названъ попочителемъ петербургскаго учебнаго округа, а Руничъ — ректоромъ петербургскаго университета *).

7 декабря 1871.

Е. Сербиничъ.

*) Вполнѣ исправный текстъ «Домъ Сумашедшихъ» напечатанъ въ «Сборникѣ студентовъ С.-Петербургскаго университета» и тамъ не сдѣлана ошибка, которую вслѣдъ за берлинскимъ изданіемъ (въ высшей степени небрежнымъ) повторяетъ г. В. Б. Пошлая выходка Воейкова — дѣйствительно направлена не на Карамзина, а на Василія Назаровича Каразина, одного изъ замѣчательнѣйшихъ людей эпохи Александра I-го. Многие изъ трудовъ Каразина были напечатаны въ «Русской Старинѣ». Этотъ честнѣйшій и самыхъ возвышенныхъ, благородныхъ убѣжденій человекъ, былъ учредителемъ министерства народнаго просвѣщенія, способствовалъ увеличенію въ Россіи числа университетовъ, для чего съ необыкновенною энергіею собралъ съ двухъ лишь губерній 2½ милліона рублей (ассигнаціи), составилъ первое въ Россіи частное общество для развитія сельскаго хозяйства и промышленности, безбоязненно говорилъ и письменно излагалъ свои взгляды на важнѣйшіе государственные вопросы, тяжело пострадалъ — и за все за это навлекъ при жизни ругательства и глумленья Аракчеевыхъ, Воейковыхъ и друг. лицъ, и до сихъ поръ не оцѣненъ потомствомъ, претендующимъ на безпристрастіе въ сужденіяхъ объ историческихъ дѣятеляхъ прошлаго времени.

Ред.

АЛЬБОМЪ НИКОЛАЯ ФЕДОРОВИЧА ЩЕРБИНЫ.

1853 — 1863.

Приводимъ нѣсколько эпиграммъ и шутокъ изъ альбома извѣстнаго поэта Николая Федоровича Щербины, умершаго 10-го апрѣля 1869 г. въ С.-Петербургѣ. Копію съ этого альбома, имъ самимъ вывѣренную, г. Щербина подарилъ въ наше собраніе рукописей не задолго до своей смерти. Эпиграмма подъ № 28 весьма обязательно сообщена П. А. Ефремовымъ, въ библиотекѣ котораго также находится списокъ съ альбома Щербины, имъ самимъ вывѣренный. Двѣ или три изъ сообщаемыхъ эпиграммъ и шутокъ были напечатаны.

Ред.

ЭПИГРАММЫ.

1.

Бергу и другимъ нѣмцамъ славянофиламъ.

Тепленько нѣмцамъ у славянъ,
И нѣмцы всѣ славянофилы:
Не мудрено что нашъ кафтанъ
И мурмола ихъ сердцу милы..
Несемъ мы, Бергъ, почти что вѣкъ
Опеку нѣмцевъ не по силамъ....
Я слышемъ русскій человѣкъ,
Чтобъ сдѣлаться славянофиломъ.

2.

Н. Н.

Пугая стаю ястребиную
Съ рѣки цензурной онъ слетѣлъ.
Какую-жъ пѣсню лебединую
За то на «Парусѣ» онъ пѣлъ.

3.

Московскимъ краснымъ.

Монтаньяры вшивой горки!
«Красный цвѣтъ лишь дурно мвлъ» —
Такъ народъ нашъ дальновзоркій

Этой мѣтвой поговоркой
Васъ на вѣки заклеимъ.

4.

Молитва современныхъ писателей.

О ты! кто принялъ имя слова!
Мы просимъ твоего покрова:
Избави насъ отъ похвалы
Позорной «Сѣверной Пчелы»
И отъ цензуры Гончарова.

5.

Журналу „Весельчакъ“.

Всѣхъ патриотовъ «Весельчакъ»,
Тупаго юмора кабакъ,
Приводить въ слезы и раздумье
О нашемъ жалкомъ остроумьѣ.

6.

Вопросъ Н. О. Щербинѣ

отъ гг. Плещеева, Сѣверцова и Тихменева.

Полу-хохолъ и полу-грекъ
Но Нѣжинскій, а не Милетскій,
Скажи: къ чему ты въ злобѣ дѣтской,
Свой жалкій каратаешь вѣкъ?

Отвѣтъ грека Плещееву Сѣверцову и Тихменеву.

Хоть злишь я изъ Таганрога
Но все-жъ я грекъ, не сынъ рабовъ...
За нами въ прошломъ славы много
Къ намъ уваженіе вѣковъ.
У васъ—за стѣнки, плети, клѣтки,
У насъ—свобода дѣлъ и словъ;
И чѣмъ древнѣе ваши предки,
Тѣмъ больше сѣли батаговъ.

7.

Газета „Молва“.

Къ молвѣ названье не пристало:
Ея подписчиковъ такъ мало,
Что хоть зови ее отнынѣ:
«Гласъ вошющаго въ пустынь».

8.

Еще „Молвѣ“

Про все въ Россіи говорятъ
И болтовня у насъ въ природѣ,
Лишь о «Молвѣ» одной молчатъ,
О ней лишь нѣтъ молвы въ народѣ.

9.

Н. Н.

Писателю, обезпечившему себя казноврадствомъ, служа въ Крыму по провіантской части. Онъ сказалъ: что теперъ онъ экс-чиновникъ и экс-писатель.

Хоть теперъ ты экс-писатель,
Экс-провлянтскій ты дѣлецъ,
Экс-казны ты обиратель,
Все же ты не экс-подлецъ.

10.

Н. Н.

Всякій слухъ меня тревожить.
И тяжегъ душѣ моеи,
Въ горлѣ мнѣ першить и гложеть
И языкъ сдержать не можетъ
Ни одну изъ новостей.

11.

Н. Н.

Не уколола никого
Его критическая тупость,
Бездарность честная его
И добросовѣстная глупость.

12.

„Русская Беседа“.

(Аполл. Алексан. Григорьеву).

Все татарское Россіи,
Все чѣмъ глудъ дѣмецкій людъ
За народныя стихи
Намъ въ «Бесѣдѣ» выдаютъ.
Духу въ ней — судоуденье,
Философія — дьячва.
Смысла здраваго усенье,
Воскресенье „Маяка“.

1856 — 1857.

13.

„Москвитянинъ“.

Увы! съ эклиптической всемирной
Я былъ въ разладѣ всегда
И солнце въ высотѣ зводной
Упрекъ мнѣ сущій и бѣда:
Когда давно уже бывало
На Козерогѣ Фебъ стоялъ
Едва всходилъ еще отстадый
На знакѣ Рака мой журналъ.

14.

Автору всѣхъ возможныхъ „Пустячковъ“.

Отецъ снотворный Анапцова,
 Жеманный авторъ Пустячковъ,
 Наслѣдникъ истинной Хвостова
 Москвы посмѣшище, С...въ,
 Къ моимъ врагамъ присталь недавно
 И опозорилъ тѣмъ враговъ:
 Имъ тяжело, а мнѣ забавно!...
 И такъ да здравствуетъ С...въ!
 Къ чему же эта эпиграмма?
 Онъ жалокъ всѣмъ и безъ того:
 Его стихи — источникъ срама
 И лучший пасквиль на него.

15.

Двойное горе.

(У гроба Гоголя).

Слышны вопли, стонъ и крики
 Лучшихъ родины сыновъ:
 «Умеръ Гоголь нашъ великій,
 Живъ и здравствуетъ Су . . овъ».

16.

Ним. ² Вас. Сушнову.

Да, призванья есть благія
 И не даромъ, о поэтъ!
 Времена познавъ крутя
 Свой тебѣ несеть Россія
 Благодарственный привѣтъ.
 Намъ враги одолѣвали,
 Намъ скорбѣть не стало силъ,
 Мы веселью чужды стали:
 Издавъ ты свои «Печали»
 И всѣхъ насъ развеселилъ!

Членъ глуба здраваго смысла.

17.

Ито онъ?

Другъ мощны буржуазин
 Онъ пивку-мужика
 За трибуна всей Россіи
 Выдаетъ откупщика.

Видя въ томъ свои удобства
 Генерала скрытъ онъ спѣсь,

Демократства и холопства
Удивительная смѣсь!

18.

Въ часовнѣ Иверской.

«Здѣсь воздухъ напоенъ дыханіемъ молитвы» *)
Здѣсь мошенники приходятъ для ловитвы,
Здѣсь умиленіе безъ носовыхъ платковъ,
И благочестіе нерѣдко безъ часовъ.

19.

По поводу Н. Н.

Родъ Пожарскихъ прекратился
И за Русь не встанетъ онъ...
Русскій палъ и осрамился—
Жидъ пожарный заступился
За поруганный законъ.

20.

По взятіи Севастополя *).

Все назадъ, на оборотъ
На святой Руси идетъ,
Гдѣ изъ ботики сталъ флотникъ,
А изъ флотника сталъ флотъ,
Но лишь выпалъ трудный годъ
И остался только ботикъ.

1858 г.

21.

Загадка.

Скажите кто межъ насъ хамелеонъ душой
Московскихъ умниковъ безграмотное эхо?
Бъ несчастію другихъ кто-бъ первый сталъ слепой
И ноги-бъ цаловалъ у всякаго уснѣха?

22.

Передъ памятникомъ Петра Великаго.

Нѣтъ не змія всадникъ мѣднй
Растопталъ стремясь впередъ,
Растопталъ народъ нашъ бѣднй,
Растопталъ простой народъ.

*) Стихъ С. П. Шевырева, изъ сонета къ Иверской часовнѣ.

**) По поводу стиховъ Бенедиктова:

«И родилъ тотъ ботикъ—флотникъ,
Этотъ флотникъ—флотъ родилъ».

23.

Петербургъ.

Вглядѣвшись въ Петербургъ и все въ немъ сознавая,
Невольно выскажешь понятіе свое:
О Боже мой! посредственность какаа!
О Боже мой! какое дурачье!

24.

Общій другъ.

Людей извѣстныхъ былъ любителемъ
И даровымъ ихъ погребкомъ;
Онъ сталъ въ уѣздѣ предводителемъ
А слыгъ въ столицѣ онъ хлыщемъ.

25.

Эпитафія купцу.

Съ мясистою супружницей своей
Онъ въ банѣ парился и объѣдался сыто...
О сколько имъ обмануто людей
И сколько чаю перешито!

26.

Эпитафія.

Отечество свое не мало одолжилъ:
Совѣтникомъ коллежскимъ онъ служилъ.

27.

Эпитафія Апполону Александровичу Григорьеву.

Въ угарѣ на себя напущенныхъ идей,
Онъ бѣгалъ какъ шальной по площади журнальной
Иубѣжденія онъ съ рѣзкостью нахальной,
Что годъ мѣнял въ горячности своей.
И вотъ скончался онъ, какъ должно сумасброду.
Безплодный вѣкъ его въ пустыхъ трудахъ протѣкъ,
Зане всю жизнь свою, лишь сѣялъ онъ песокъ
И съ яримъ наѣсомъ толкъ въ журналахъ воду.

28.

Н. Н.

Я пересталъ быть либераломъ,
Съ тѣхъ поръ, какъ откушнивъ-накалъ,
Покончивъ выгодно съ кружаломъ,
Себѣ на откупъ гласность взялъ.

Я пересталъ быть либераломъ,
Когда онъ денегъ далъ,
И сталъ подкушленнымъ журналомъ
Нашъ обличительный журналъ.

Я либераловъ избѣгаю,
 При нихъ боюсь я за платокъ,
 И за часами наблюдаю,
 И дальше пращу кошелекъ.

29.

Современная поэзія.

Пародія.

Темно ужъ на улицѣ стало
 И хлопьями снѣгъ выпадалъ,
 Она у окошка стояла
 А я у калитки стоялъ.

Закинувъ свой плащъ, на сторожѣ
 Я робкіе взоры бросалъ,
 Боясь, чтобы дворникъ, о Боже!
 Метлою меня не прогналъ.

Все было мнѣ какъ то неловко,
 О чемъ то я тяжело вздохнулъ;
 Она мнѣ кивнула головкой,
 А я ей рукою махнулъ.

30.

Николаю Герасимовичу Устрялову.

Смѣшны намъ твой восторгъ и клики
 Устряловъ, старый балагуръ,
 Мы видимъ даже Петръ Великій
 Былъ геніальный самодуръ.

31.

Выдержки изъ книги: „Мечты и звуки“.

Мадригалы.

Къ кухаркѣ сосѣда моего и сослуживца профессора Куницына, въ которую я былъ страстно влюбленъ, овдовѣвши послѣ второй жены:

I.

Какъ отъ тебя страстями пышетъ жарко
 О аппетитная Куницына кухарка!

II.

Въ сіяніи дня и при мерцаніи огарка
 Равно прелестна ты Куницына кухарка!

III.

Что всѣ Аспазія, что Іоанна д'Арки
 Предъ прелестью Куницыной кухарки!

IV.

Въ Италію, гдѣ пѣлъ любовь Петрарка
 Съ тобою убѣжимъ, Куницына кухарка.

Харьковъ.

32.

Roma l'antica.

Отрывокъ изъ Одиссеи послѣдняго сумасброда. Пародія на поему Григорьева:
«Venezia la bella».

Я милую мою въ античный Римъ привезъ;
Дремала при лунѣ всемирная столица
И я исполненъ былъ какихъ то дивныхъ грѣзъ,
И глупыхъ и большихъ, дождемъ кропящихъ слезъ.
Мнѣ видѣлись вездѣ трагическія лица
И я завылъ тогда, какъ нѣкій арый пѣсъ,
А милая моя завyla, будто псаца,
И въ вѣчномъ городѣ такой поднялся вой,
Что заревѣли вдругъ козелъ, оселъ, ослица,
И крикнулъ «караулъ» французскій часовой.

33.

Чухонскія Аюны.

Фельетонъ въ стихахъ *).

Свѣтъ журнала не читаетъ,
Гдѣ какой то господинъ
О бон-тонѣ рассуждаетъ,
Какъ «въ дворянствѣ мѣщанинъ».
Изъ передней всѣ салоны
Господинъ тотъ изучилъ:
Другъ-швейцаръ ему законы,
Тайны свѣта сообщилъ.
Съ той поры чернилъ излишекъ
Онъ для правды расточалъ,
Накрахмаленныхъ манишекъ
Безпощадный Ювеналъ.
Другъ Ивана Хлестакова
И Тряпичкинъ нашихъ дней,
Пишетъ гимны въ честь портнаго
Бравъ на мыслящихъ людей.
. рьянаго витію
Онъ собой изобразилъ,
И на цѣлую Россію
Вдругъ печатно протрубилъ:
Что онъ за-просто бываетъ
Съ княземъ Сержемъ у Дюсо
И по Невскому гуляетъ
Возлѣ львовъ какъ lionceau.

*) Этотъ «фельетонъ» написанъ на Ив. Ив. Панаева, подписывавшаго свои замѣтки словами: «Новый поэтъ». Пв. Ив. Панаевъ очень ловко отразилъ ударъ въ него направленный: онъ напечаталъ злую шутку Щербини въ своихъ же замѣткахъ въ «Современникѣ».

Ред.

Князь, всему извѣстно міру,
 Зналъ приличія всегда,
 Не пускалъ къ себѣ въ квартиру
 Пьяныхъ франтовъ никогда.
 Съ той поры онъ въ фельетонѣ
 Ежемѣсячно твердилъ,
 Что онъ ѣдитъ въ фазтонѣ,
 Рысаковъ себѣ кушилъ.
 Что его (до мелкой пражки)
 Славный Шармеръ одѣвалъ,
 Что голландскія рубашки
 Утро каждое мѣнялъ.
 Онъ не можетъ похвалиться
 Ни талантомъ, ни умомъ,
 Пусть себѣ онъ отличится
 Передъ публикой бѣльемъ...
 Въ свой романъ карикатурный
 Втиснулъ онъ друзей своихъ,
 И журналъ литературный
 Сдѣлалъ органомъ портныхъ,
 Но журнальную букашку
 Не замѣтилъ модный свѣтъ,
 Какъ въ голландскую рубашку
 Не радился нашъ поэтъ.

34.

Хвалебная пѣснь

Блаженному борзописцу Н. Н. литературы ради юродивому.

Радуйся, Испаніи невиданіе,
 Радуйся, Испаніи описаніе,
 Радуйся, живописи непониманіе,
 Радуйся, о живописи трактованіе,
 Радуйся, жандармовъ трепетаніе;
 Радуйся, музыкѣ неразумѣніе,
 Радуйся, о музыкѣ разсужденіе,
 Радуйся, пустозвонныхъ фразъ строеніе;
 Радуйся, женѣ омерзеніе,
 Радуйся, гостинодворскій гюдальго,
 О влѣшнвивый чае-продавче радуйся!

В. Френкель Смирновъ.

35.

Эпиграмма на самого себя.

Вкусивъ всѣ горести коварства и измѣны,
 Негодный ни къ чему, не знаю какъ и быть,
 Осталось только мнѣ теперь вступить на сцену
 И Маріо собой достойно замѣнить *).

*) Щербина года за три до смерти потерялъ голосъ и умеръ отъ задушенія.